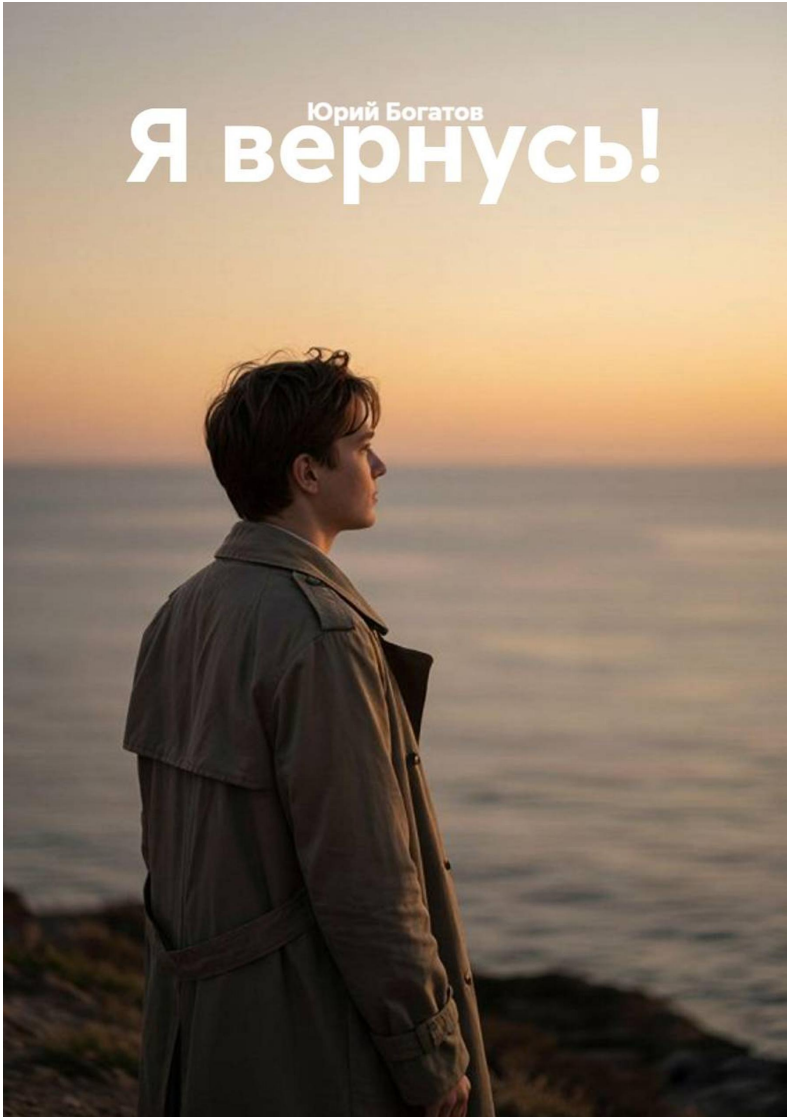
Юрий Богатов

Я вернусь!

Юрий Богатов
Я вернусь!

https://litres.ru/74877928
SelfPub; 2026

Аннотация

По волнам моей памяти туда, где меня ждут и где я был счастлив. Айда со мной!

Юрий Богатов
Я вернусь!

Сестричке моей любимой Людмиле посвящаю

Я вернулся… Я вернулся. Я вернулся! Трава рослая ласковая зелёным меня обхватила. Ромашки-кокетки белым глаза уставшие прикрыли. Луг тот самый! И хотя от школы и камня не осталось, луг тот самый. Не может быть этого, но корабли дивные всё так же надо мной по неба сини бездонной плывут. Целая флотилия! Низко. Медленно. С парусами и флагами разноцветными, едва волнующимися на майском ветерке весёлом. Так было тогда, целую вечность назад. Так же в траве густой мальчик шестилетний лежал. Вихры бело-сметанные, как утыканный семечками подсолнух, лицо конопатое. В небо с восторгом глядел. Только рядом краснокирпичная школа стояла. Один этаж, один класс, учительская, кухня-столовая.

Вернулся! Но тогда, вечность назад, флотилия невообразимая надо мной не зависала, ни один корабль на луг не опускался. И лучиком солнечным мне глаза никто не слепил - ромашковые лепестки прозрачные яркости не гасят.

По трапу мальчик на луг сошёл. Вихры бело-сметанные, подсолнух конопатый. Зеркальце серебряное круглое с чёр-

ным ободком в ладошке.

- Эй, ты чего?! Не балуй!

Ни слова не говорит, зеркальце мне протягивает. В ладошку беру, заглядываю…

Справа за партой сестра сидит, в третьем классе. Слева – я, в первом. Некому дома со мной быть, в школу шестилетним отдали. Впереди меня Валька Волкова, рыжекосая первоклашка. Как же за такую рыжесть не дёрнуть! Сестра тотчас «Родной речью» тяжёлой по голове моей сметанной – бах! А учитель ох как строг! Он отец наш. Дочь – в угол. Сына – к доске. Да выучил я, выучил!

- Однажды в студёную зимнюю пору я из лесу вышел. Был сильный молос…

- Молокосос, - камчадал вечный с последней парты третьеклассник Колька Шевченко выкрикивает, мою картавость передразнивает. И оба класса, первый и третий, взрываются. Хохот, визг. До скрипа стиснув зубы, в коридор, на улицу, на пришкольный луг выбегаю. В зеленя шёлковые падаю. Ни слезинки. И тут надо мной, низко, по васильковому небу – флотилия кораблей чудных. Паруса и флаги разноцветные, чуть волнующиеся на майском ветерке весёлом. Плывут медленно. Тоже постепенно, злость и обиду во мне восторг вытесняет. Знаю я, знаю: мгновения эти – на всю жизнь.

Луг зовущий с одной стороны двора школьного, толока

голая – с другой. На переменках, после уроков там и толклись: возня, борьба, догонялки, футбол. Ворота – портфели вместо штанг. Первый класс против третьего, второй против четвёртого. А потом, кто победил, за первое – третье места играли. Сестра в команде своей нападающая, в первом классе – я. Она направо и налево костыляла, своим и чужим. В паре с Колькой Шевченко.

Вот мы с ним за мяч сцепились. Я финт делаю, он меня толкает, мяч отбирает. Не поддаюсь, за рубашку насмешника, врага хватаю. Колька вырывается, и рубашка его клетчатая по швам трещит, клок боковины повисает. Шевченко замер, торчащие на торсе оголённом рёбра пощупал и говорит, совсем не обычным хулиганским голосом, а шёпотом:

- Маты менэ прибье…

Из ворот свой портфель-штангу вырывает и к хутору нашему ноги волочит.

- Чего это он? А кто играть будет?! – кричу. Все в землю вросли, в след Кольки смотрят.

- Одна у него рубашка, в школу ходить. Мать зашьёт, но рубашка уже не новая будет, - сестра рассуждает.

И вот тут слёзы, у меня, в два ручья. Сестра подбегает:

- Он тебя ударил? Больно? Где, скажи!

Не могу сквозь рёв поначалу ничего произнести. Потом из себя солёные, спотыкающиеся слова выдавливаю:

- Чт-то я над-делал!

Кольку, хулигана, язву, насмешника, забияку, драчуна,

врага – жалко. Неимоверно! И особенно – его мать, которая, конечно, сына прибьёт. А папки у Шевченко нет, с войны не вернулся. Безутешен я, безутешен…

Сухая – так речушка степная называется. Вдоль берега её всё наше: школа, хутор, бригада колхозная, жизнь. Кормилица и поилица. Из неё поля бригадные и огороды хуторские поливают. Из неё прибавка к столу бедному – рыба. Отец часто сестру и меня на рыбалку берёт. Они с папой пойманных окуней, краснопёрок, карасей, линьков, ершей, чебаков, таранух, ласкириков и ещё много всяких в большое ведро алюминиевое бросают, а я, по-нашему, по-пацанячьи, на веточку-кукан ивовую нанизываю. У себя в конце огорода удили с кладки деревянной, над водой нависающей. Отец только леску и крючки покупал, удилища сам из ореховых прутиков делал – не ломаются, гибкие, уловистые. Домой с уловом придём – мать не нарадуется, папу поцелует, нас по головкам погладит. Слышу, слышу запахи чарующие ушицы той, жарёхи! И ничего более вкусного рыбного с пор тех не едал. А ещё в Сухой раков несметно водилось. Отец из лозняка сплетённые раколовки ставил, а мы, пацаны, руками из нор доставали, пальцы вечно клешнями изрезанные. Во дворе папа колодец чистил, со дна илистого рака огромного замшелого достал. Весь хутор к нам приходил, дивился, пятернёй растопыренной клешни мерили. Однажды отец велосипед катит, к рулю голова, к раме туловище щуки страшной привязаны,

а хвост с багажника свисает, по земле волочится. В рыбине той при разделке щуку поменьше нашли, а в ней – щурёнок, а в том – пескарь. Сооружал папа из камыша коты, и как-то в их лабиринтах ведро вьюнов набрал. Мать ругаться стала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.